

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

SLAVIANSKII Sbornik

3

СЛАВЯНСКІЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ ТРЕТЬИЙ

ИЗДАНИЕ

ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

Члена Славянскаго Комитета

П. А. Сильсборанда

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ

И. И. ЧЕРНОВА

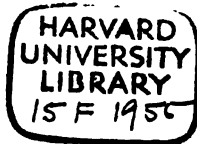
BIBLIOTHEQUE RUSSE

CONSTANTINOPLE PERE

ПЕТЕРБУРГЪ — 1876

△
P Slav 646.25
↓

Kramer Per.

~~Slavic Division~~

~~430880~~

32

Типография брат. Пантелеевских Казанская ул. д. № 33

БИБЛИОТЕКА
 „РУССКАЯ МЫСЛЬ“
 А. И. ЧЕРНОВА
 BIBLIOTHÈQUE RUSSE
 „Rousskaia Mysl“
 CONSTANTINOPLE 1884

О Г Л А В Л Е Н И Е

Отдѣлъ первый.

I. Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ (по неизданнымъ Итальянскимъ памятникамъ)—профессора В. В. Макушева.	1
II. Общественные и государственные вопросы въ Польской литературѣ XVI вѣка—профессора В. В. Макушева	27
Введение.—I. Шляхта: 1) паны и шляхта; 2) воспитаніе и общественныя школы; 3) домашняя жизнь шляхты.	
III. Орывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ—профессора А. Н. Веселовскаго	122
Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (текстъ и объясненія).	
IV. Слѣды Русскаго вліянія на старо-Польскую письменность—профессора В. В. Макушева.	166
V. Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ для исторіи южныхъ Славянъ въ XIV и XV вѣкахъ—В. В. Квачановскаго	183
VI. Резья и Резьяне—профессора И. А. Бодуэна де-Куртена.	223
VII. Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ—профессора В. Г. Васильевскаго.	372
Южно-Итальянская война (1156—1157).	

Отдѣлъ второй.

VIII. Браковская академія наукъ—А. Б. Киркора.	1
Историко-библіографическій очеркъ.	
IX. Институтъ Осолинскихъ во Львовѣ—А. Б.	41

Х. Библиографическія Замѣтки—П. А. Червяковскаго . 44

Отзывъ Поляка о Герцеговинскомъ возстаніи и о Герцеговинцахъ.—Элизэ Реклю о Босніи и Герцеговинцахъ.—Еще о Турецкихъ Сербсахъ.—Воспоминанія о Бѣградѣ.—Отзывъ Поляка о Болгарахъ.—Древняя республика Дубровницкая.—Новое изданіе Болгарскихъ народныхъ пѣсенъ.—Новый трудъ: «Введеніе въ исторію Славянской литературы».—Проектъ Энциклопедіи Польскихъ древностей.—Этнографическое изслѣдованіе Оскара Кольберга о Краковякахъ.—Латинно-Польскій словарь реченій Магдебургскаго права.—Черты общественной жизни въ современной Чехіи.—Карлъ Либельтъ.—О современномъ состояніи языковѣднія у Поляковъ.

Отдѣлъ третій.

ХІ. Каница, Этнографическій очеркъ Болгарь въ переводѣ Е. П. Барсовой	1
ХІІ. Войтеха Кентржинскаго, О Мазурахъ—въ переводѣ В. Недзвецкаго	48
ХІІІ. Крестьяне въ Польшѣ наканунѣ послѣдняго ея раздѣла—въ переводѣ П. А. Червяковскаго	69
ХІV. Указатель	1

СЛѢДЫ РУССКАГО ВЛІЯНІЯ

на

старопольскую письменность.

Старо-Польская письменность извѣстна еще мало,

Есть основанія полагать, что найдется еще много памятниковъ Польскаго языка до XVI вѣка: вновь открываемые памятники почти ежегодно увеличиваютъ число уже извѣстныхъ и обнаруженныхъ; а указанія на употребленіе Польскаго языка въ церквахъ, школахъ и при дворѣ въ XI—XII и слѣдующихъ вѣкахъ заставляютъ насъ думать, что уже въ это время существовали письменные памятники на Польскомъ языкѣ. Быть можетъ, не все еще погибло; возможно, что найдутся памятники древнѣе XIV вѣка.

Число уже обнаруженныхъ памятниковъ Польскаго языка XIV и XV вѣковъ довольно значительно; но, къ сожалѣнію, только весьма немногіе изданы удовлетворительно: нѣсколько псалмовъ Флоріанскаго псалтыря (Неринга), Библия Софіи (Малецкаго), Молитвы Вацлава (Л. Малиновскаго) и велико-Польскія роты (т. е. показанія присяжныхъ свидѣтелей, Пржиборовскаго); почти всѣ остальные памятники изданы такъ дурно, что ими нельзя пользоваться. Снимковъ съ рукописей обнаружено мало. Вѣкъ памятниковъ опредѣляется чаще гадательно, чѣмъ на прочныхъ основаніяхъ палеографическихъ и лингвистическихъ; филологическое-же ихъ изученіе едва начато ¹⁾.

Въ числѣ вопросовъ, естественно возникающихъ при изученіи старо-Польской письменности, видное мѣсто занимаетъ вопросъ о

¹⁾ Опытъ такого изученія одного изъ памятниковъ Польскаго языка XV вѣка недавно представилъ г. Малиновскій («Modlitwy Wacława. Zabytek języka Polskiego z wieku XV. Wydał i objaśnił Zucyjan Malinowski, dr. fil.». W Krakowie, 1875).

вліяніи на нее письменности другихъ Славянскихъ племенъ. Для насъ, Русскихъ, было бы особенно важно опредѣлить Русское вліяніе на старо-Польскую письменность; но для рѣшенія этого вопроса еще слишкомъ мало данныхъ: я постараюсь только указать на тѣ слѣды Русскаго вліянія, на которые я попалъ при изученіи старо-Польскихъ памятниковъ.

Я не рѣшаю, а только возбуждаю этотъ вопросъ. Если бы даже у меня не было никакихъ положительныхъ данныхъ, то и въ такомъ случаѣ я не усомнился бы возбудить этотъ вопросъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Съ конца XIV вѣка большинство народонаселенія Польскаго государства было Русское по происхожденію, православное по вѣрѣ. Подъ давленіемъ польщизны и католицизма, Червонно-Русскіе (со временъ Казимира Великаго) и Литовско-Русскіе (со временъ Ягайлы) бояре становятся въ ряды Польской шляхты, и нѣкоторые принимаютъ католическую вѣру. Знатные, богатые и вліятельные роды Литовско-Русскихъ князей (Слущкіе, Острожскіе, Вишневецкіе, Пронскіе, Масальскіе, Чорторыйскіе, Сангушки и другіе) усиливаютъ власть и значеніе Польскихъ пановъ. При пышныхъ ихъ дворахъ сотнями и тысячами служить Польская шляхта (при дворѣ князя Константина Острожскаго служило до двухъ тысячъ пановъ и шляхты). Примѣръ бояръ находятъ послѣдователей между мѣщанами и даже духовенствомъ. Въ то же время обширныя Русскія земли заселяются Поляками.

Поставленныя въ столь близкія взаимныя отношенія, обѣ народности, Русская и Польская, неизбежно должны были вліять одна на другую, и Русскій языкъ долженъ былъ проникать въ государственную и общественную жизнь старой Польши. И дѣйствительно: при Ягайлѣ Русскій языкъ былъ придворнымъ и дипломатическимъ языкомъ въ Польшѣ. Еще болѣе усилилось вліяніе Русскаго языка на Польскій въ правленіе Александра. И позже, Русскій языкъ остался официальнымъ языкомъ на Литвѣ и дипломатическимъ для сношеній не только съ Русскими, но и съ Татарами.

Вліяніе Русскаго языка на старо-Польскій не отвергають сами Поляки: сошлюсь только на такого популярнаго писателя, какъ Крашевскій ²⁾, и на такого знатока старо-Польской письменности, какъ Пржиборовскій ³⁾.

²⁾ J. J. Krawczewski, «Nowe studia literackie» (Warszawa, 1843), въ статьѣ «Rys dziejów języka Polskiego» (str. 80, 83) говоритъ: «Ważną epokę

Вліяніе Русскаго языка на Польскійшло двумя путями: 1) Поляки, жившіе въ Русскихъ земляхъ, усвоивали себѣ Русскія слова и выраженія, пословицы, поговорки, пѣсни и т. п. и 2) Русскіе, писавшіе по-Польски, невольно или преднамѣренно вносили русизмы въ свою Польскую рѣчь.

Въ числѣ Польскихъ писателей золотаго вѣка были люди, знававшіе себя Русскими и любившіе свою народность. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ публицистовъ того времени, Станиславъ Оржеховскій, въ своихъ Латинскихъ сочиненіяхъ, обыкновенно называетъ себя Русскимъ (Roxolanus), а въ его Польскихъ сочиненіяхъ встрѣчаются не только русизмы («o sprawach też innych sejmowych srogom i mówić, jakowe są»), но и цѣлыя выраженія Русскія (knyasche wud, yakoby pietuch den u nosc poiet, woszechda korol)¹⁾.—Осипъ Верещинскій, бискупъ Кіевскій († 1599 г.), не только не скрываетъ своего Русскаго происхожденія, но даже рассказываетъ, какъ его отецъ насиліемъ и хитростью былъ крещенъ въ католическую вѣру²⁾.—Я. Ф. Гербуртъ Добромильскій, бывшій Польскимъ посломъ въ Турціи въ 1598 г., въ письмѣ къ папѣ Павлу V, признавая себя Русскимъ, порицаетъ насильственную унію и предсказываетъ, что она будетъ источникомъ многихъ бѣдъ для церкви и государства³⁾. Въ его «Геркулесѣ», подъ которымъ онъ изобразилъ самого себя, попадаются русизмы и выраженія Русскія («ty na мене hramotoju, a ja na tebe szabloju») и приводится цѣликомъ одна Малороссійская пѣсня.—Варѣоломей Зиморовичъ, родившійся во Львовѣ въ концѣ XVI и писавшій въ XVII вѣкѣ, выбиралъ для своихъ идиллій (sielanki) сюжеты преимущественно изъ Русской жизни («Kozaszczyna», «Burda Ruska» и др.), къ которой относился съ большимъ сочувствіемъ. Его идилліи переполнены Русскими словами и изреченіями, напр.: sołowij, trużenicy, prażnik, mołojcy, derewnie, świaszczennik, horylica, molczańka, — bateńku choroszylj! nie-

w dziejach języka stanowi złączenie Litwy i Rusi z Polską, za Władysława Jagiełły. Z tym prawie czasem w języku ludu ustaje trwający od X wpływ bezpośredni Niemców i Czechów, a nastaje Ruski.—Stosunki na wschód otwierają się, dwór mówi po Rusku, język ten staje się pośrednikiem między Litwą a Polską... Jego (Alexandra) panowanie, stosunki wojny z Rusią przytrzymały czas jakiś język w formach więcszej Słowiańskich, mieszając go często z dialektem pobratymczém, a mniej zdenaturalizowane kulturą zachodnią, Rusi. Pobyt dworu i panów w Litwie także się do tego przykłada...

³⁾ «Wiadomość o życiu i pismach Jana Kochanowskiego». Poznań, 1857.

¹⁾ «Dyałog albo rozmowa około exequucyey Polskiej Korony». Wyd. 1564 г.

²⁾ «Pisma treści moralnej ks. Józefa Wereszczyńskiego». Wyd. Turowskiego, str. 101—102.

³⁾ M. Wiszniewskiego, «Hist. liter. Polsk.», t. VII, str. 118.

choczem twojij wiry, lyszе diteznych hroszyl—Ej czołowik, ta i wasza wira,—Lach sobaka,—przyczaszcali popi, prawosławni, cerkiewni, komonni bojarowie и т. п. ⁴⁾—Младшій братъ его, Симонъ, написалъ «Roxolanki to jest Ruskie panny — na wesele Bartolomeja Zimorowicza» (1629).

И у чисто Польскихъ по происхожденію писателей встрѣчаемъ Русскія слова и выраженія и сюжеты, заимствованные изъ жизни Русскаго народа. Такъ, въ извѣстной сатирѣ Кленовича «Worek Judaszów» читаемъ: *m u ż o w i e, podzmy na z o l o t e ż n i w o, — k u p i e c, w o ł k i, i z m i e n n i k, m o ł o d z i e c, d u m a ł, s k r o w i s z c z e* (сокровище), *f i a ł k i, k ó ż a, c h o c h o ł, p o p, — W ł a ś n i e i a k o R u s m o w i: i e d e n i d z i e k l e s u, — I r e c z n i k a n i e r z e ż a c, d r u g i c z e s z e k b i e s u* и т. п. ⁵⁾ Русскія слова попадаютъ и въ его «Флисъ» (напр.: *o d z i e ż a, ł a g* вм. *ł a k a*), а Латинская его поэма «Roxolanid» описываетъ Червонную Русь и ея жителей. Русизмы, хотя рѣже, встрѣчаются и у другихъ Польскихъ писателей, какъ напр. у Рея-изъ-Нагловицъ, Андрея Збылитовскаго. Они встрѣчаются въ Польской письменности гораздо раньше XVI вѣка: они попадаютъ въ памятникахъ XIV и XV столѣтій, рядомъ съ чехизмами и старославянщиной. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ наиболее замѣчательныхъ памятниковъ.

Флоріанскій псалтырь (конца XIV и начала XV вѣка): *cyerza* = тетерь, *cyerekwa* = церква, *szuzn* = жизнь, *zaszcz* = зажечь, *sweczka* = свѣча, и др. — Библия королевы Софіи (1422—1461 г.): *czaszka* = чашка, *korczak* = корчакъ, *lekarstwa*, *ług*, *pasieka*, *prawłoka*, *posadka* = посадъ, *postawiec* = поставецъ, *robionok* = ребенокъ, *rubel* = рубль, *wienniki* = вѣнники, *wiodro* = ведро, *zaronka* и т. д. — Молитвы Вацлава (первой половины XV вѣка): *dziewka* (дѣвка), *tuk* (тукъ, откуда тучный), *zażedz* (зажечь), *sleza* (слеза) и др. Примѣры изъ двухъ другихъ памятниковъ будутъ приведены ниже.

Какъ бы ни былъ слабъ сравнительно съ старо-Славянскимъ и Чешскимъ элементомъ въ старо-Польскихъ памятникахъ элементъ Русскій, тѣмъ не менѣе отрицать его нельзя; элементъ же старо-Славянскій такъ въ нихъ силенъ, что необходимо допустить, что Польскіе переводчики св. Писанія и церковныхъ молитвъ имѣли передъ собою переводъ не только Чешскій, но и старо-Славянскій — въ спискахъ Русскихъ, откуда перешли въ Польскій текстъ ру-

⁴⁾ «Sielanki B. i Sz. Zimorowiczów». Wyd. Turowskiego, str. 5, 9, 18, 29, 31, 74, 78, 86, 87, 89.

⁵⁾ «Worek Judaszow to jest złe nabycie majątności». W Krakowie. 1607. (2 изд.).

сизмы. Последнее предположеніе тѣмъ легче допустить, что, какъ извѣстно, съ конца XIV и начала XV вѣка (время написанія Флоріанскаго псалтыря) Русскіе составляли большинство народонаселенія Польши, и знаніе Русскаго языка, а чрезъ его посредство и старо-Славянскаго, должно было быть весьма распространено между Поляками. Гораздо труднѣе предположить, чтобы они получили старо-Славянскій переводъ отъ южныхъ Славянъ, Болгаръ или Сербовъ, которые въ то время были уже подавлены Турецкимъ завоеваніемъ. Не слѣдуетъ также забывать, что въ числѣ Русскихъ, принявшихъ католицизмъ для пріобрѣтенія равноправности съ Поляками, были люди образованные изъ боярскаго и духовнаго сословія, и они могли познакомить Поляковъ съ пространною у насъ старо-Славянскою письменностію, — могли даже сами кое-что болѣе нужное или болѣе занимательное положить на Польскій языкъ.

Такой трудъ Русскаго человѣка я вижу въ «Проповѣдяхъ», изданныхъ Дзялынскимъ въ Познани въ 1857 году подъ заглавіемъ «Zabytek dawniej mowy Polskiej».

Эти «Проповѣди» находятся въ бумажной рукописи, принадлежащей библіотекѣ архикаедральной капитулы Гнѣзненской, именно въ ея началѣ и концѣ, на листахъ, незанятыхъ Латинскими проповѣдями, составляющими главное содержаніе рукописи. Польскія проповѣди писаны иною рукою, чѣмъ Латинскія, и, конечно, позднѣйшею.

Въ приготовляемомъ мною къ печати трудѣ о памятникахъ старо-Польскаго языка я сообщу обстоятельныя свѣдѣнія о содержаніи и языкѣ изданныхъ Дзялынскимъ Польскихъ «Проповѣдей» и постараюсь съ точностію опредѣлить время, къ которому они относятся; теперь же замѣчу только, что, по признакамъ палеографическимъ и лингвистическимъ, я отношу эти «Проповѣди» къ первой половинѣ XV вѣка и что, по правописанію, онѣ были писаны въ Малой Польшѣ, или же человѣкомъ, привышимъ къ мало-Польскому нарѣчію. На сколько вѣрно мнѣніе Дзялынскаго, что онѣ писаны около 1420 г., не нахожу въ настоящемъ случаѣ нужнымъ говорить: скажу только, что относить ихъ къ какому-нибудь опредѣленному году—нѣтъ достаточныхъ основаній. Для насъ гораздо важнѣе, что ихъ правописаніе указываетъ на Малую Польшу и мало-Польское нарѣчіе. Правда, по изданію Дзялынскаго, далеко неудовлетворительному въ научномъ отношеніи, такого заключенія сдѣлать нельзя; но читая не по напечатанному

имъ тексту, а по fac-simile, видимъ, что носовые звуки обозначаются обычно въ рукописи через *o* (т. е. an), а такой выговоръ ихъ господствуетъ въ Малой Польшѣ.

Въ правописаніи этого памятника есть еще другая важная для насъ черта: согласные *p*, *p* и *m* часто не имѣютъ переходнаго Польскаго смягченія въ *rz*, *dz* и *ć*. Такъ, мы читаемъ въ рукописи: *presto*, *presz daru ducha svótego*, *pres pomocz*, *pres anyola—posla*, *priscza* (*przyscia*), *prigócz*, *prydz*, *prycz* (*przyc*);—*div*, *divny*, *utvirdil*,—*oties*, *otca*, *otcu* и т. д. Частое употребленіе такого переходнаго смягченія *p*, *d* и *m* рядомъ съ переходнымъ (а такой переходъ совершился въ Польскомъ языкѣ уже въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка) свидѣтельствуеетъ, что писавшій эти «Проповѣди» былъ не твердь въ Польскомъ языкѣ, что онъ былъ не Полякъ.

Малковскій ¹⁾ полагаетъ, что эти «Проповѣди» писаны Нѣмцемъ, научившимся Польскому языку по слуху, а встрѣчающіяся въ нихъ чуждыя Польскому языку слова и формы онъ считаетъ архаизмами, и потому относитъ языкъ этого памятника къ половинѣ XIII столѣтія, т. е. къ такому времени, отъ котораго мы не имѣемъ ни одного письменнаго памятника на Польскомъ языкѣ.

Къ архаизмамъ или остаткамъ погибшаго нарѣчія (*znikłego narzecza*) Малковскій относитъ такія слова и формы: *czystota*, *sczyt*, *zaszczycać*, *kazń*, *krasny*, *mócić* (*infestare*), *mir*, *smierny* (смирный), *smiertny*, *oties*, *zapad*, *nasilnie*, *stajali* (стояли); *wiekui* (вѣчный, вѣный), *czyn* (*dignitas*), *licemiernik* (лицемѣрникъ), *wieliko*, *do sich miast*, *sego*, *ostrow*, *strada*, *swadziebne wesele* (*nuptia sponsalia*) и т. под.

Къ такимъ же словамъ и формамъ, неотмѣченнымъ Малковскимъ, принадлежатъ: *pred*, *krivda*, *grech*, *krest*, *div*, *divny*, *diewka*, *utvirdil*, *diura* (дыра), *jedienie*, *sego roku*, *siego dnia* и т. п.

Кто же изъ знающихъ хоть сколько нибудь старо-Славянскій и Русскій языкъ станетъ принимать эти слова и формы за остатки погибшаго Польскаго или Ляхитскаго нарѣчія, о которомъ грѣзится Малковскому? Кто же не узнаетъ въ нихъ словъ старо-Славянскихъ и Русскихъ, находящихся донинѣ въ живомъ употребленіи въ Русскомъ народѣ? Эти слова и формы записаны такъ правильно, иногда даже съ соблюденіемъ Русскаго выговора (*stajali*), что невозможно допустить, чтобы онѣ были записаны Нѣм-

¹⁾ «Przegląd najdawniejszych pomników języka Polskiego. Sporządził Konstanty Małkowski» (Warszawa, 1872) str. 95, 98.

цемъ, научившимся Польскому языку по слуху. Откуда у Нѣмца, плохо знавшаго по-Польски, могло взяться основательное знаніе старо-Славянскаго и Русскаго языка, обнаруженное писателемъ «Проповѣдей»? Очевидно, что предположеніе Малковскаго нелѣпо.

Языкъ «Проповѣдей» доказываетъ, что онѣ были писаны человекомъ, для котораго Польскій языкъ былъ чужой, но который хорошо зналъ старо-Славянскій и Русскій языкъ, а правописание свидѣтельствуеетъ, что онѣ принадлежалъ къ Славянскому племени, неимѣющему *rz*, *dz* и *s*, и что Русскій выговоръ былъ родной ему; а слѣдовательно, что онѣ были Русскій по происхожденію.

Обычное въ «Проповѣдяхъ» написаніе носовыхъ черезъ *o* служитъ доказательствомъ, что онѣ писаны въ Малой Польшѣ, центромъ которой былъ Краковъ. Въ то же время это былъ центръ политической и литературной Польши XV вѣка, къ первой половинѣ котораго относится разсматриваемый нами памятникъ. Съ Малою Польшею сосѣдила Червонная Русь, въ которой со времени Казимира Великаго и особенно Ягайлы заводятся Польскіе порядки и которая насильственно полячится и католичится. Ополяченію и оватоліченію подвергается и православное духовенство, преслѣдуемое и унижаемое. Изъ его среды долженъ былъ выйти и писатель «Проповѣдей», изданныхъ Дзялынскимъ. Изъ православныхъ священниковъ ставъ католическимъ патеромъ, онѣ, какъ всякій ренегатъ, усердствовалъ на новомъ своемъ поприщѣ, и плодомъ его ревности къ католицизму и польщизнѣ были его «Проповѣди», написанныя подѣ влияніемъ мало-Польскаго нарѣчія, которое онѣ зналъ практически, а не теоретически. Отсюда неправильность языка «Проповѣдей».

Естественнымъ, логическимъ заключеніемъ изъ всего вышесказаннаго является слѣдующее положеніе: проповѣди, изданныя Дзялынскимъ, писаны Русскимъ изъ Червонной Руси, вѣроятно, бывшимъ сначала православнымъ священникомъ, а потомъ католическимъ патеромъ.

Черезъ Русскихъ, совращаемыхъ въ католицизмъ и ополячиваемыхъ, Поляки могли знакомиться со старинною Русскою письменностью, развивавшеюся, какъ извѣстно, подѣ влияніемъ старо-Славянской и Византійской. Результатомъ этого знакомства могли быть заимствованія изъ Русской письменности и подражанія ей.

Сохранился одинъ любопытный въ этомъ отношеніи памятникъ

старо-Польской письменности, на который, къ сожалѣнію, никто не обратилъ вниманія. Онъ изданъ Сигизмундомъ Глогеромъ въ «Варшавской Библиотекѣ» за 1873 годъ, подъ заглавіемъ «Uzamek starożytnego kazania o małżeństwie» (Отрывокъ старинной проповѣди о бракѣ).

Разбирая инкунабулы своей библиотеки въ деревнѣ Ежевѣ, Глогеръ нашелъ на оберткѣ одной изъ нихъ два пергаменные листа, писанные съ обѣихъ сторонъ въ два столбца по-Польски. Съ нижняго конца оба листа, при переплетаніи инкунабулы in 4°, были обрѣзаны. Заинтересовавшись содержаніемъ палимпсеста, Глогеръ снялъ съ него фак-симиль и издалъ, вмѣстѣ со своимъ чтеніемъ и краткими объясненіями. По его мнѣнію, это—отрывокъ изъ обширнаго сборника Польскихъ проповѣдей, именно изъ проповѣди о бракѣ. Г. Пржиборовскій причисляетъ его къ древнѣйшимъ памятникамъ Польскаго языка ¹⁾.

По внимательномъ изученіи этого памятника, я долженъ отвергнуть мнѣнія Глогера и Пржиборовскаго: это—не проповѣдь и далеко не одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Польскаго языка.

Постараюсь сначала, на основаніи признаковъ палеографическихъ и лингвистическихъ, опредѣлить вѣкъ, къ которому относится этотъ памятникъ.

Начертаніе буквъ въ немъ то же самое, что и въ послѣдней части Библии Софіи, какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто сравнитъ изданный Глогеромъ fac-simile съ fac-simile 5-го листа Библии Софіи въ изданіи Малецкаго; слѣдовательно, по палеографическимъ признакамъ, нашъ памятникъ относится ко второй половинѣ XV вѣка.

Только по fac-simile можно представить характеристику правописанія и языка нашего памятника, такъ какъ Глогеръ не умѣлъ его прочесть и передалъ его произвольно новымъ правописаніемъ.

Долгіе гласные отличаются отъ краткихъ двойнымъ написа-

¹⁾ «Najpierw karta pochodząca prawdopodobnie z wielkiej księgi zdaje się dowodzić, że istniał zbiór Polskich kazań wcale inny od znanych i wydanych dotąd. Piękny i staranny styl naszego ułamku zdaje się wskazywać, że mógł to być zbiór znakomicie jak na owe czasy opracowany, a który później pocięty został na okładki i poszukiwać go w bibliotekach klasztornych należy. Professor Iózef Prżiborowski, którego uczonemu sądu zasięgałem w tym przedmiocie, jest zdania, że zabytek nasz należy do najstarszych jakie dotąd posiadamy. Treścią kazania było, jak się zdaje, małżeństwo i kobieta, o której jest tu kilka trafnych uwag psychologicznych».

ніемъ буквѣ, ихъ изображающихъ: *Adaama, Daawida, Absolonaa, kraszneego, puewiasta, zensczynaa, sklaad, iegoo, dobregoo, kwapieenye, kloftwa, mofodrego.*

Такое обозначеніе долгихъ гласныхъ двойными буквами, существовавшее и въ старыхъ Сербскихъ памятникахъ, употребляется въ Флоріанскомъ псалтырѣ, Молитвахъ Вацлава, Библии Софіи и другихъ Польскихъ памятникахъ до второй половины XV вѣка. Первый Польскій грамматикъ, Яковъ Паркошъ изъ-Журавицы (половины XV вѣка) говоритъ, что долготу гласныхъ слѣдуетъ обозначать двойною буквою (*ut vocalis longa geminetur et brevis simpla ponatur*), и въ примѣръ приводитъ слово *Adaam*, написанное такъ же, какъ въ нашемъ памятникѣ. Въ памятникахъ конца XV вѣка такое обозначеніе долгой гласной уже не встрѣчается, а въ началѣ XVI столѣтія оно стало давнимъ преданіемъ, несоблюдавшимся болѣе, какъ видно изъ словъ Заборовскаго: «*Antiqui Poloni longas vocales geminabant, breves simplicibus pingebant figuris*».

Носовые звуки, какъ во всѣхъ велико-Польскихъ памятникахъ XIV—XV вѣковъ, обозначаются безразлично, черезъ *o*, которое въ случаѣ долготы удваивается: *kloftwa, swotego, wofcz, mofodrego*. Рѣдко передаются черезъ *a* (*zaprawda*) и *e* (*dzewycze* вин. п. ед. ч.). Нынѣшнее правописаніе (*a* для *ǫ*, *e* для *ǫ̇*) установилось въ XVI вѣкѣ. Такъ, напр., въ предисловіи Рея-изъ-Нагловиць къ поэмѣ «*Wizerunek*» (1558 г.) читаемъ: «*Ne słychamy o tych co daley niż w Polsce bywaią, tedy postronni narodowie ięzyk (a podobno u dowcip) Polski na małej pieczy maia*».

Написаніе остальныхъ гласныхъ не представляетъ никакихъ особенностей.

Изъ согласныхъ въ правописаніи смѣшиваются шипящіе со свистящими: такъ буквами *z* и *sz* обозначаются звуки *ж* (*zensczynaa, teesz*) и *з* (*zlemv, obraasz*), буквами *cz*—звуки *ч* (*mosznego, wielebnoscz*) и *ч* (*czistota*), буквами *s* и *sz*—звуки *з* (*s gaa = изъ рая*), *c* (*sklaad, kraszneego*) и *ш* (*wszego, sla = шла*). Кромѣ того, для обозначенія звука *ч* употребляется сочетаніе *czs* (*czsnota, nycsz*), Точно такое же написаніе свистящихъ и шипящихъ находимъ въ Библии Софіи: *zyv, boszy, zelje, szemya; gest, szwyatlo, czmi, czsosz, neuszYTECZNA; gesto—geszto, wszistek*. Оно значительно отличается отъ правописанія памятниковъ болѣе древнихъ, каковы: Флоріанскій Псалтырь и Молитвы Вацлава.

Въ фонетическомъ отношеніи нашъ памятникъ не представляетъ такихъ особенностей, по которымъ можно было бы заклю-

чать о времени, къ которому онъ относится: встрѣчаемыя въ немъ звуковыя формы употребляются во всѣхъ Польскихъ памятникахъ XIV — XV вѣковъ, а нѣкоторыя даже въ Латинскихъ грамотахъ XII—XIII столѣтія.

Флексія представляетъ нѣкоторыя замѣчательныя черты. Падежіе склоненій выразилось смѣшеніемъ родовыхъ и падежныхъ окончаній. Во множественномъ числѣ только въ двухъ падежахъ, творительномъ и мѣстномъ, и только въ двухъ примѣрахъ, мужское склоненіе отличается отъ женскаго: *miedzi wszemi grzesznymu skutku, w jegoo wszeech wczynkość*. Въ обоихъ этихъ падежахъ, хотя и рѣдко, мужское склоненіе отличается отъ женскаго и у писателей XVI вѣка; въ памятникахъ же XIV—XV вѣковъ (Флоріанскій Псалтырь, Молитвы Вацлава, Библия Софіи); кромѣ того, мужское склоненіе отличается отъ женскаго еще въ дательномъ множ. числа (съ XVI вѣка для обоихъ родовъ употребляется мужское окончаніе).

Смѣшиваются въ нашемъ памятникѣ окончанія падежей родительнаго, дательнаго и мѣстнаго единств. числа: *syotra czistocze, kłóftwa wszemi zlemi, do domu—w domu, przez rozum, w sierczi, we sklenyczy, w naboszneem vkazanji, pokornej grzesznyczy, rysneey dziewczę (под.), w slodkey strdzy*. Замѣчательна форма родительнаго множ. ч. на *и*: *od zlich mysly, slowy, wczynky u obycajow*. Такое смѣшеніе падежныхъ окончаній указываетъ на довольно позднюю пору, ибо у писателей XVI вѣка, хотя спорадически, еще отличаются особыми окончаніями вышепомянутые падежи (срв. d-ra A. Małeckiego, «Gram. jez. Polsk. większa», str. 59, 60, 72).

Въ спряженіяхъ особенность нашего памятника составляетъ постоянное употребленіе прошедшаго сложнаго сокращеннаго, т. е. съ опущеніемъ вспомогательнаго глагола, напр. *szdradził, śla, rozpieszala, były*. Опущеніе глагола въ прошедшемъ сложномъ встрѣчается часто въ памятникахъ XV вѣка, но, рядомъ съ такими сокращенными формами, употребляются полныя или слитныя, существующія понынѣ и установившіяся въ XV — XVI вѣкахъ. Такое исключительное господство въ нашемъ памятникѣ прошедшаго сложнаго сокращеннаго, равно какъ смѣшеніе падежныхъ окончаній, по моему мнѣнію, составляетъ признакъ не времени, а иностраннаго вліянія.

Но какого? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія слова, встрѣчающіяся въ нашемъ памятникѣ: *dzewka* (дѣвка), *zensczyna* (женщина), *wczennuk* (ученикъ, въ смыслѣ учитель), *krasny* (прекрасный), *smysl* (смыслъ), *gospodin*, *ymaam* (имамъ),

uzee (иже), moczyzna (мѣщина). wielmy. pomny, jako, czistota (чистота), obraasz (образъ). Это—слова Славяно-Русскія, т. е. такия, которыя употреблялись въ старой Русской письменности.

Соображая всѣ вышеприведенныя мною данныя, я дѣлаю такое заключеніе: по признакамъ палеографическимъ, по правописанію и языку, нашъ памятникъ относится ко второй половинѣ XV вѣка, и ближе къ концу его, чѣмъ къ серединѣ (онъ моложе Библии Софій), то-есть: точнѣе выражаясь, къ послѣдней четверти этого вѣка; онъ носитъ на себѣ слѣды Русскаго вліянія. Такимъ образомъ, мнѣніе Пржиборовскаго оканчивается невѣрнымъ.

Обращаюсь къ содержанію нашего памятника.

По формѣ изложенія, онъ нисколько не напоминаетъ проповѣди: это—собраніе краткихъ изреченій о женахъ злыхъ и добрыхъ и о чистотѣ и цѣломудріи, такихъ изреченій, какія мы встрѣчаемъ въ сборникахъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ «Пчелъ».

Для болѣе удобнаго сравненія нашего памятника съ «Пчелою» (по изданію П. А. Безсонова: «Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1857, кн. 25), я разобью его на шесть частей по содержанію и сопоставлю съ изреченіями, находящимися въ немъ, соотвѣтствующія въ нашихъ «Словахъ»: о женахъ, о житейской добродѣтели и о чистотѣ и цѣломудріи. При этомъ я долженъ напомнить читателямъ, что нашъ отрывокъ сохранился въ обрѣзанномъ видѣ, и прибавить къ этому, что, для сравненія съ нимъ, у меня было только изданіе г. Безсонова.

I. Жена есть источникъ всего добраго и злаго.

I л. 1 ст. *Текстъ подлинника* ¹⁾.

Kto szdraadzil adama nyewynnego, a daawida swōtego, a salomona mōdrego, a samsona mocznego, absolonna kraszneego, zaprawda nykt yedno nyee-wiasta, prawa dobra zenszczyna ta iest sklaad wszego dobrego iest sjostra czistocze, y klōtwaa wszemu zlemv, iest stroza mysl i a iest wielebnosc przyrodzenja a stolecz czsnoty, iest okrasa zywo-taa.

Чтеніе ²⁾.

Kto sdradzil Adama niewinnego, a Dāwida Swōtego, a Salomona mōdrego, a Samsona mocnego, Absolona krasnē-go? Zaprawda nikt iedno niē-wiasta. Prawa dobra zenszczynā ta iest sklād wszego dobregō iest siostra czistocie i klōtwā wszemu zlemu, iest stroža mysl i a iest wielebnosc przyrodzenia, a stolec cnoty, iest okrasa żywo-tā.

¹⁾ По fac simile, буква въ букву и строка въ строку.

²⁾ Долготу обозначаю знакомъ — надъ буквою.

Въ нашихъ «Словахъ о женахъ» читаемъ:

«Отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ. — Оле зло злаго злѣйшее жена лукава. — Жена добра въ дому, аки мравій, а зла жена, аки ладія угла. — Жена добра — жизнь дому и спасеніе мужу, а зла жена — пустота дому, печаль мужу. — Добра жена въ дому, яко очи въ тѣлѣ, а зла жена, яко трудъ въ лядвяхъ. — Добра жена въ дому — добрый тиунъ отъ цара» и т. п.

Срв. «Домострой»: «Добра жена дѣлаеть мужу своему все благо житіе. — Жена добра веселитъ мужа своего и лѣта его исполнитъ съ миромъ» и т. п.

II. Лице женщины уподобляется огненному мечу; изъ усть ея каплетъ отравленный медъ.

2 л. 2 ст.

Nje-

Nie-

wyesczy obraaz iest iako ognio-
wł miecz. Przeto baasz sje wielmŷ:
Pomny ŷe nŷewiasta wŷpŷdzy-
ła adama z raia, bo yaad nygdy
nye bŷdze rychley daan iednoo
w słodkey strdzy.

wiesci obráz iest iako ognio-
wy miecz. Przeto bącz się wielmi.
Pomni iŷe niewiasta wypŷdzi-
ła Adama z raia, bo iad nygdy
nie bŷdzie rychley dān iednŷ
w słodkiej strdzy.

Этимъ изреченіямъ соотвѣтствуютъ въ «Словѣ о Женахъ» слѣдующія: «Въ огонь и во жену въпасти равно есть. Не внимай злой женѣ, медъ бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже въ время наслаждаетъ твой гортань, послѣди же горнае желчи (и полына) обращѣши, и изыостренъ паче меча обоюдоостра».

III. Наставленія о чистотѣ и цѣломудріи; удаленіе отъ соблазна, удрученіе тѣла, удаленіе отъ людей, обращеніе къ Богу; но, при всемъ томъ, только лишеніе разумное.

л. 1 ст. 1.

Jeden uczennik mowi tako.
Troiakŷ rzeczŷ bŷdzie czistota
schowana Pyrzwa iest rychle
uczeczenie od zlich mŷsłŷ słowŷ
uczynku, y obyczayow Drvga
iest vdrŷczenie czala Trzecza iest
ostrzeszenie smŷsła y kwapiec-
nye od lvdzŷ. iako matka boza
taagdy przez vlicŷ sła wszdi sye
pospieszala do domv a w domu

Jeden uczennik mowi tako.
Troiakŷ rzeczŷ bŷdzie czistota
schowana: pirzwa iest rychle
ucieczenie od złych myśli, słowy,
uczinki i obyczajow; druga
iest udrŷczenie ciała; trzecia iest
ostrzeszenie smysła i kwapie-
nie od ludzi. Iako matka boża
tągdy przez ulicę szła wŷdy się
pospieszala do domu, a w domu

2 ст.

... *jedno pismo*
mowŷ: Teen iest odlŷczon kto
sie gospodny offerwie w iegoo

... *Jedno pismo*
mowi: Tŷn iest odlŷczon kto
się gospodnu offeruje w iegŷ

«Славяноскій Сборникъ», томъ III, отд. I.

12

wszeech uczynkoch, y opuszczany
czyrzpееcz, tako w fęcz najdзее
gospodna na kaszdy czas. *Yeden
uczennыk mowу tako.* Odlō-
czenуе przez rozvmv, to iest slee-
pota człowуееcza. *Yeden uczennыk
mowi tako.* Kto bogv dosуcz
iest, kv samemv bozeemv kaa-
zanуv, y napomуnanуv w roo-
zvmуе odlōczenуa, temv bōdзe
odplaczono rownoszczō yszczуnō
bozōf. *yeden uczennыk mowу,*
kto swego wszego po[ku]szzenуa
y czyrzpyenа moczen iest tee-
go ya ymaam za najlepszego
człowieka. *yeden mistrz mowi.*
Swōte pismo to wszееm uka-
zvie nato s drz

wszēch uczynkoch, i opuszczany
cirzpieć, tako w fęc najdziе
gospodna na kaзdy czas. *Ieden
uczennik mowi tako:* Odlō-
czenie przez rozumu, to iest slō-
pota człowiecka. *Ieden uczenik
mowi tako:* Kto bogu dosуć
iest, ku samemu bożemu kā-
zaniu i napominaniu w ro-
zumie odlōczenia, temu bōdziе
odplacono rownosciō iacinō
bożō. *Ieden uczenik mowi:*
kto swego wszego pokuszenia
i cirzpienia mocen iest, tē-
go ja imām za najlepszego
człowieka. *Ieden mistrz mowi:*
Swōte pismo to wszēm uka-
zuje na to

Первому отрывку соотвѣтствуютъ въ «Словѣ о житейской добродѣтели и о злобѣ» слѣдующія изреченія (у Безсонова стр. 4): «Отеческое отъ патерика. Четирми вещми оскверняется душа: коженіемъ по граду, несоблюденіемъ очнымъ и съ женами имѣти приближеніе и со славными любовъ тѣлесныя похоти и тщеславіе любви». Для дополненія сравни (на стр. LXXXIII) изреченія апостола Петра (Аще отбѣгъше нечистотъ мирськихъ...), Кирилла Іерусалимскаго (Бѣгай убо злыхъ дѣлъ...), Златоустаго (Аще посреду радъ живущемъ и въ мятежихъ...) и др.

Второй отрывокъ заключаетъ извѣстныя евангельскія изреченія и, кромѣ того, предостереженія отъ лишенія неразумнаго. Имъ соотвѣтствуютъ въ «Словѣ о чистотѣ и цѣломудріи» слѣдующія слова св. Василія (стр. 18): «Недостойно хвалы даяти кажникомъ (скопцемъ), имже отрѣзана суть тайная удеса ихъ». Сравни тамъ же Златоуста: «Да не измягчимъ нашея крѣпости, ни отрѣзаемъ жилъ своихъ обычаемъ тѣмъ: неизреченна бо и велика погибель въ душу нашу входитъ отъ нихъ» и т. д.

IV. Сердце чловѣка отражается въ его наружности, какъ въ зеркалѣ.

Л. 2 ст. 1.

Swōty duch
mowi. Odzenуе czelnee, a smya-
uуе vstnee vkazwiō czso w siereczv
iest, yako we sklenуczу wszistko wi-
dzeecz.

Swōty duch

mowi. Odzienie cielnē, a smia-
nie ustnē ukazwiō co w sercu
iest, iako we sklenicy wszistko wi-
dzięc.

Съ этимъ изреченіемъ, впрочемъ весьма обычнымъ, можно сравнить слова Аристипа («Жена лицемъ красящися душевное безобразіе являетъ») и Сепродита («Якоже зеркало съ златомъ и съ драгимъ каменіемъ ковано, отъ красоты нѣсть похвально, тако же и жена похвальна и богата») въ нашихъ «Словахъ о женахъ» (стр. XXXV, XL).

V. Изнѣженный мужчина имѣеть женственное сердце.

Л. 2 ст. 1.

Bernhardus. Miła bracza powiadaam waam zaprawdŏ yzee wŏpnośc szjny szjsto z mŏsczynu nŏwleeszcze serczee.

Bernhardus. Miła bracia, powiadam wam zaprawdŏ iż wŏpnośc szyni szjsto z mŏsczynu niewieście serca.

Въ «Словѣ о чистотѣ и цѣломудрїи» читаемъ (изъ Златоуста): «Такоже и женская приближенія всѣхъ елико обуймутъ уловленныхъ діаволу представляютъ. Потомъ-же бываютъ ти мужи магцы, бестудни, несмыслени... и просто рещи, вся женская страсть душегубная несуще на душу ихъ возложить... языку его преобразившуся женскимъ рѣчемъ...» (стр. 19). Сравни тамъ же изреченіе Хариклія: «Виднїя похотная воспоминаніе стражущему бываетъ и ражаеть ума теплоту, яко трость огонь, раже бо и на похоть слово похотное» (стр. 27). Это послѣднее изреченіе напоминаетъ также третій отрывокъ нашего памятника.

VI. Кающаяся грѣшница лучше гордой дѣвы.

Л. 2 ст. 1.

Augustinus. Najd... ŏsto w naboszneem wkananju skritego angjala nŏczystoty. ja wŏczej dowierzaam pokornej grzesznycy niz pyszneej dzewcze.

Augustinus. Najd... ŏsto w nabożnem ukazaniu skritego angiała nieczystoty. Ja wŏcej do wierzãm pokornej grzesznicy niż pyszněj dziewcze.

Наше «Слово» такъ поучаетъ о гордыхъ женахъ: «Жены гордѣя себе не поймай, не яко господинъ ей будещи, но яко госпожа ти будеть».

Листы разсматриваемаго нами памятника, какъ было выше замѣчено, снизу обрѣзаны, и, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пергамень испорченъ: отъ того нѣкоторыя изреченія не сохранились вполнѣ. Такія изреченія (а между ними есть одно Сенеки, а другое Иеронима) я опускаю.

Изъ сопоставленія отрывковъ Польскаго памятника съ нашими «Словами» о женахъ, о чистотѣ и цѣломудрїи и о житейской до-

бродѣтели и злобѣ видно, что онъ сходенъ съ ними не только по содержанию, по мыслямъ, но иногда даже по уподобленіямъ, по выраженіямъ. Мои сравненія случайны, такъ какъ я могъ пользоваться только изданіемъ г. Безсонова. Легко можетъ статься, что въ нашихъ многочисленныхъ рукописяхъ «Пчелъ» найдутся болѣе подходящія и болѣе близкія къ выраженіямъ Польскаго памятника изреченія. Я сдѣлалъ, что могъ. Для меня достаточно было выяснить, что, по содержанию и по формѣ, разсматриваемый мною Польскій памятникъ принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ «Словъ», которыя входятъ въ составъ весьма распространенныхъ у насъ встарину сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Пчелъ».

Какъ извѣстно, эти сборники (Пчела, по-Гречески *Melissa*) Византійскаго происхожденія. *Melissa* Максима Исповѣдника относится къ VII вѣку. Позже подобный же, но болѣе обширный сборникъ былъ составленъ иномомъ Антоніемъ. Съ принятіемъ христіанства эти сборники перешли изъ Византіи въ Болгарію, откуда въ переводѣ на Славянскій языкъ были перенесены къ намъ. Есть указанія, что они были извѣстны у насъ съ XI вѣка и позже (Сборникъ Святославовъ, Даніилъ Заточникъ, Несторъ) и долгое время были любимой книгою для чтенія, какъ это доказывается многочисленными рукописями съ XIV по XVIII вѣкъ. У насъ они подверглись новой переработкѣ.

Эти сборники, насколько мнѣ извѣстно, не были въ обращеніи въ западной Европѣ въ средніе вѣка. Отъ того въ западно-Славянскихъ литературахъ мы не находимъ ничего имъ подобнаго. Откуда же они могли зайти къ Полякамъ? — Сходство разсматриваемаго мною Польскаго памятника съ нашими «Пчелами» и встрѣчающіеся въ немъ русизмы указываютъ на Русь. Возможность такого литературнаго заимствованія объяснена выше.

Палимпсестъ Гюгера указываетъ на существованіе у Поляковъ цѣлыхъ сборниковъ богословско-философскаго содержанія, въ родѣ нашихъ «Пчелъ»; онъ указываетъ также, что наши «Пчелы» подверглись у нихъ переработкѣ: все, что носило характеръ православія, подъ перомъ Польскихъ католическихъ писателей сглаживается и затемняется, и обычная лаконичность нашихъ «Пчелъ» превращается въ жидкую риторичность. Палимпсестъ Гюгера представляется намъ слабою копіею съ хорошаго оригинала: въ «Пчелахъ» обыкновенно называется по имени тотъ отецъ, или учитель церкви, или же древній философъ,

изреченіе котораго приводится; въ палимпсестѣ же читаемъ: *jedem uczennik* или *mistrz mowi*; а слѣдовательно, гдѣ въ «Пчелахъ» ясность и отчетливость, тамъ въ палимпсестѣ туманность и запутанность. Причина понятна. До конца XV вѣка въ западной Европѣ, а потому и въ западно-Славянскихъ краяхъ, творенія Греческихъ отцевъ и учителей церкви, древне-Греческая и Византійская литературы извѣстны были весьма мало и весьма немногимъ. Полякъ, имѣвшій передъ глазами Русскую «Пчелу», встрѣчалъ въ ней незнакомыя ему имена отцевъ церкви и Греческихъ философовъ,—имена, которыя, быть можетъ, не умѣлъ и прочесть, и потому или оставлялъ ихъ неизвѣстными своимъ читателямъ (анонимами), или же замѣнялъ ихъ именами извѣстныхъ ему учителей католической церкви (Августина, Иеронима, Бернарда), или же выражался темно: *pismo* (сочиненіе, твореніе, Св. Писаніе), *Sw. Duch* (!). Что имена учителей католической церкви вставлены случайно, видно изъ того, что Бернарду приписаны слова Златоустаго (по «Пчелѣ»). Вообще, характеръ палимпсеста—компилятивный, подражательный: въ немъ находимъ заимствованія изъ нѣсколькихъ словъ «Пчелы»; новыхъ мыслей нѣтъ; нѣтъ и той образности выраженій, какою отличаются наши «Слова»; кое-что сокращено, кое-что распространено излишними примѣрами и пустыми фразами.

Что Полякамъ дѣйствительно была извѣстна наша «Пчела», доказательствомъ служить знаменитый Польскій писатель половины XVI вѣка Рей изъ-Нагловицъ, въ сочиненіи котораго «*Żywot człowieka pociwego*» находимъ тѣ же самыя изреченія о злыхъ и добрыхъ женахъ, что и въ нашихъ «Словахъ»; напр. «*Czytajże zasię iako złą (żoną) swowolną a plugawą pismo też plugawie przeżywa. Bo ią zowie swinią w bramkę ubraną, a pierścień złoty w nozdrach poszająca, która przedsię zawždy w gnoiu dłubie*» («*Zwyerciadlo*» 1568, l. 33),—чему соотвѣтствуетъ въ «Словѣ о женахъ»: «Якоже усѣрѣвъ злато въ ноздрѣхъ оу свини, тако и женѣ злоумнѣ доброта» (у Безсонова, XLII).

На основаніи вышеизложеннаго, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: 1) первые переводчики Св. Писанія на Польскій языкъ имѣли передъ собою, кромѣ Чешскаго, старо-Славянскій переводъ въ Русскихъ спискахъ; 2) отъ насъ зашли къ Полякамъ также весьма распространенные у насъ сборники, извѣстные подъ названіемъ «Пчелы»; они подверглись у нихъ новой переработкѣ; 3) въ числѣ важнѣйшихъ памятниковъ старо-Польской письменности находимъ «Проповѣди», писанныя Русскимъ человекомъ

на Червонной Руси въ половинѣ XV вѣка; и 4) Русское вліаніе на Польскую литературу XVI вѣка отразилось не только на языкѣ, но и на содержаніи нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ произведеній того времени.

Викентій Макушевъ.

Варшава, 6 апрѣля 1876.

